
И. В. МИТИНА

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ
В. П. БРАНСКОГО и С. Д. ПОЖАРСКОГО**

Бранский, В. П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Акмеологической академии, 2000 г. – 108 с.

Бранский, В. П., Пожарский, С. Д. Глобализация и синергетический историзм. – СПб.: Политехника, 2004. – 400 с.

Во второй половине XX столетия в методологии научного исследования сформировалась новая – синергетическая – парадигма, в которой сегодня сосуществует и активно развивается ряд концептуальных направлений. В рамках одного из них – концепции синергетического историзма – работают авторы рецензируемых монографий. Сильной стороной обеих работ, безусловно, следует признать сочетание принципов фундаментального социально-философского исследования с ярко выраженной практической направленностью мышления, стремлением интерпретировать, определять и переопределять наиболее спорные, даже болезненные, проблемы социальной действительности.

В центре исследовательского интереса – всегда актуальная проблема трансформации социальной среды, механизма утверждения новых идеалов внутри старой системы стереотипов, что авторы справедливо полагают важнейшей предпосылкой перехода к новому стилю поведения, а иногда – и к новому политическому порядку. Важно, что она решается авторами не только в онтологическом и гносеологическом, но и в аксиологическом плане: в фокусе их внимания постоянно находится и проблема конечного результата преобразовательной деятельности. Предмет монографии Бранского – феноменология межэтнического взаимодействия, монографии Бранского и Пожарского – выяснение сущности глобализации и построение синергетической модели глобального прогресса. Ис-

ходные методологические посылки обеих монографий едины – объективность, историчность, социальность. Рациональный анализ изучаемых объектов сочетается с их феноменологическим, преимущественно эмоциональным описанием, что соответствует приверженности авторов идеалу синтеза ноосферы и эстетосферы, в котором они видят основу социальной самоорганизации.

Общую мировоззренческую позицию авторов можно определить как реальный гуманизм. Утверждать это позволяет ряд признаков. Во-первых, тот образ человека, что лежит в основе развиваемых концепций: человек здесь не биологически предопределенный, а социокультурно-сформированный, готовый к производству и усвоению новых идеалов и стереотипов, осуществляющий свободную деятельность с осознанием исторической ответственности рационалист, ценящий эмоционально-эстетические основы бытия, мыслящий реалистично и прагматично, но знающий цену возвышенному романтизму. Во-вторых, общая направленность мышления на выяснение закономерностей духовной самоорганизации человечества, принципов последовательно антиконфронтационной этнической политики, условий возможности глобализации с «человеческим лицом». В-третьих, характер высказываемых практических рекомендаций. В синергетической теории межэтнических взаимодействий таковой является: «при поиске наиболее эффективного способа разрешения существующих этнических противоречий из множества возможных способов надо выбрать не тот, который кажется наиболее привлекательным по каким-либо конъюнктурным соображениям, а тот, который связан с минимизацией новых противоречий» (Бранский 2000: 89). В синергетической теории глобализации – принцип «минимизации противоречий между процессами локальной самоорганизации, образующих разные центры многополярного социума» (Бранский, Пожарский 2004: 218–219).

Отвергая любые проявления «натурализма» в социальном познании, авторы проводят четкую демаркационную линию между миром биологических существ, руководствующихся инстинктами, и человеческим социумом, где сознание, сознательная деятельность человека руководствуется идеалами: «Поскольку же человек отличается от животных именно своею способностью строить

идеалы и преследовать их с непреклонной настойчивостью, то освободить человека от идеалов – значит вернуть его в животное состояние» (Бранский 2000: 91). Идеалы – это «правила преобразования мира» (Бранский, Пожарский 2004: 282). Методологическая и теоретическая корректность авторов не позволяет им прогнозировать идеалы и, тем самым, будущее развитие человечества. Аргумент К. Поппера о принципиальной невозможности предсказания будущего общества, поскольку оно зависит от будущих научных знаний, о которых у нас нет ни самомалейшего представления, авторы дополняют собственным: невозможно предсказать и гораздо более тонкую «субстанцию» – будущие желания.

Бранский и Пожарский концентрируются на выяснении механизма, движущих сил, соотношения господствующих тенденций и итогов, оптимальных способов реализации социальных идеалов и соответственно преобразования социальной реальности. Фактическим материалом для этих теоретических построений авторам служат исторические факты, среди которых преобладают те, что связаны с трагической и великой историей XX века. Страницы рецензируемых монографий, посвященные этому периоду развития человечества, невольно подводят к очень важному – и с теоретической, и с практической точек зрения – вопросу. То «расколдовывание мира», что совершил более ста лет назад М. Вебер, – является ли это действие по необходимости разовой процедурой, или новые поколения социальных аналитиков обязаны повторять эту процедуру по мере прохождения, точнее, завершения некоторых событийных рядов? Рецензируемые монографии подтверждают правильность второго варианта ответа. В них точно, скрупулезно, последовательно «расколдовывается» мир тоталитарных режимов и идеологий XX века.

Рассматривая жизненный цикл идеалов, авторы приходят к выводу о временной природе идеалов и соответственно о невозможности избежать на протяжении длительного периода времени смены идеала. Ни суровые меры идеологической защиты, ни готовность сохранять верность устаревшему идеалу, ни «еретические» его модификации, ни даже попытки реанимировать некогда эффективные идеалы прошлых эпох не гарантируют, утверждают авто-

ры, выхода из кризиса. Разрешение идеологического кризиса возможно лишь в результате «пришествия нового доминирующего идеала, осуществляющего смелый идеологический синтез» (Бранский, Пожарский 2004: 123).

Чрезвычайно интересно предлагаемое авторами видение соотношения идеала, ценностей и культуры общества. Поскольку развитие общества определяется сменяющимися друг друга в процессе исторического развития идеалами, жизненный цикл идеала – от эмоционального принятия и даже фанатизма до нигилизма – определяет и «параболический» характер развития культуры. Однако такое определение происходит опосредованно – через периоды подъема и упадка ценностей данного общества как материального воплощения прагматического аспекта общественного идеала. Тогда получается, что эпоха так называемого «упадка» культуры есть не более чем зримое выражение общественной потребности в новом идеале, исчерпанности прежнего развития и соответственно необходимости перехода к новым целям и путям развития. Авторы показывают неизбежность существования в поликультурном обществе противоположных ценностей как следствия сосуществования разных идеалов. На мой взгляд, не вполне корректно называть такие противоположности ценностями и антиценностями (контрценностями). Разведение ценностей и контрценностей возможно, скорее, как частный случай сосуществования противоположных ценностей в ситуации борьбы идеалов, где один из них будет либо уже обанкротившимся идеалом, либо антигуманистическим идеалом.

Поскольку, с точки зрения Бранского и Пожарского, движущей силой развития общества является выдвижение и возвышение новых идеалов, то и процесс глобализации рассматривается ими как результат постепенного формирования общезначимого, общечеловеческого идеала. Относительность всех частночеловеческих идеалов приводит к тому, что все они неизбежно «терпят крах», история становится «кладбищем идеалов» (К. Ясперс). Но каждый из частночеловеческих идеалов обладает определенным общечеловеческим содержанием. Именно оно, в каждом из идеалов собственное по содержанию, составляет его формальный инвариант. В ходе социальной самоорганизации не только выдвигаются новые синте-

тические идеалы или дифференцируются уже существующие, но и происходит процесс метаидеализации, то есть идеализация самих идеалов, в ходе которой «на “кладбище” относительных (частночеловеческих) идеалов постепенно сооружается абсолютный (общечеловеческий) идеал, который уже не поддается какой бы то ни было эрозии (разрушению)» (Бранский, Пожарский 2004: 211). Это тонкое и абсолютно верное утверждение не только соответствует реальной истории человечества, идеалами которого навсегда остались демократия античного полиса, космополитизм мировой империи Александра Македонского, гуманизм Возрождения, лозунги Французской (свобода, равенство, братство) или социальные завоевания Октябрьской революций. Оно обосновывает теоретическую несостоятельность и практическую бесполезность любого, в том числе идеологического, вандализма.

Большое практическое значение имеет проведенная Бранским и Пожарским критика классической теории идеологии и создание собственной, синергетической теории идеологии. Центром идеологического проекта Бранский и Пожарский видят не идеи, мифы или тактические программы, но идеал. Авторы показали, что идеал не может являться ни истиной, ни заблуждением, поскольку он отражает не «сущее», а «должное», потому и идеология не может быть «ложным сознанием» (Маркс). Рационально сконструированная идеологическая система, по мнению авторов, всегда предполагает метафоричность, харизматичность и жертвенность. Но, может быть, эти качества необходимы лишь идеологиям, утверждающим вполне определенные идеалы, а именно тем, что не подразумевают утверждение личной свободы, политических прав, частной собственности, индивидуального предпринимательства, дисциплины мышления, открытости дискуссий? Случайно ли, что все примеры формирования идеологий заимствованы из истории религиозного экстремизма, нацизма, большевизма, коммунизма? Авторы пишут о конформизме, о неспособности элитарной интеллигенции Советского Союза «пойти на серьезные жертвы ради либерального идеала» (Бранский, Пожарский 2004: 64). Но, быть может, либеральный идеал и не предполагает жертвенности? Зависит ли механизм реа-

лизации идеала от содержания идеала? На мой взгляд, да. И тогда, возможно, неудачи российских либерализаций (XIX–XXI вв.) – следствие, в том числе, и неверно выстроенного идеологического обеспечения.

Монография Бранского строго монотематична, совместная, на мой взгляд, перегружена сюжетами, в том числе, и довольно далеко отстоящими от магистральной темы исследования. Так, § 3 гл. I, «Практическое значение концепции синергетического историзма», явно представляет собой материал отдельной публикации. Однако общее впечатление от рецензируемых монографий можно подытожить словом «культура» – культура работы с дефинициями, культура выведения понятий и закономерностей, культура доказательства научных положений, культура обращения с историческими фактами и идеями коллег, культура разрешения теоретических противоречий и практических проблем. Нельзя не отметить корректность по отношению к коллегам-авторам конкурирующих концепций. Их взгляды излагаются без каких-либо искажений или умолчаний, емко, компактно и адекватно, непременно указываются и сильные, и слабые стороны концепций, тщательно подчеркивается каждая позитивная деталь.

Тандем Бранский–Пожарский – это тандем Учитель–Ученик. Поэтому нельзя не сказать несколько слов о духовном лидере тандема, В. П. Бранском. Один из патриархов отечественного философского знания демонстрирует не только приверженность гармонизирующей мудрости и «драматическому оптимизму», как сам он назвал свое видение перспектив исторического процесса. Вызывает уважение его бесстрашная готовность до конца продумать проблему и проговорить (написать и опубликовать!) истину. Так, Бранскому мало всем ходом рассуждений доказать несостоятельность биологизации этноса, мало просто сделать вывод о стереотипах этнического поведения как объективной основе существования этноса. Он делает следующий, очень важный шаг, на который мало бы кто отважился: вскрывает порочность типичного трюка этнического самосознания. «Характерно, – пишет он, – что ответственность за этнические противоречия этническое самосознание обычно возлагает (вместо объективных различий в стереотипах поведения) на

различия в биологическом происхождении – “мы лучше, чем они, ибо у нас лучшее происхождение” (вместо того, чтобы сказать “мы лучше, чем они, ибо у нас лучше поведение”))» (Бранский 2000: 72). Но и это не все. Работы В. П. Бранского (и не только рецензируемые) убеждают в ложности расхожего мнения о якобы приверженности представителей старшего поколения идеалам тоталитаризма, сталинизма, политического насилия и личной несвободы. Реальность всегда сложнее таких простеньких схем. Работы В. П. Бранского и С. Д. Пожарского убедительно демонстрируют ограниченность так называемого «поколенческого» подхода и, напротив, истинность развиваемой ими концепции “духовной общности людей всех поколений”» (Бранский, Пожарский 2004: 31–32). На основе разделяемых идеалов сейчас, когда мы видим попытки дискредитации либерального идеала, стремление теоретически обосновать ограниченность применимости демократических форм правления, авторы не просто обозначают свою приверженность либеральным идеалам и демократической форме правления. Они вскрывают ложность теоретических построений, утверждающих противоположность тоталитаризма и демократии, показывают, что «противоположностью тоталитарной диктатуры является не демократия, а анархия. Демократия же играет роль “золотой середины”, одинаково дистанцируясь как от тоталитаризма, так и от анархизма» (Бранский, Пожарский 2004: 316). Авторы показывают, что в основе демократической формы правления лежит либеральный идеал, основной норматив которого – «гармония между порядком и свободой (обязанностями и правами). Это значит, что либеральный идеал в равной степени отличается как от тоталитарного идеала с его приоритетом порядка перед свободой (обязанностей перед правами), так и от анархистского идеала с его приоритетом свободы перед порядком (прав перед обязанностями)» (Бранский, Пожарский 2004: 339). В развиваемой авторами глобальной синергетической теории прогресса либеральный идеал выступает как наиболее благоприятный, поскольку равно противостоит и глобальной запрограммированности однополярного либо многополярного мира, и глобальной вседозволенности.